

Научная статья

УДК 323.396

ББК 66.2

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-504-10-37-43

ДИНАМИКА ЭЛИТ И ИХ РОЛЬ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Николай Геннадьевич Глазунов

Федеральное бюро медико-социальной экспертизы, Москва, Россия, nickglazunov@mail.ru, 0009-0005-3968-9161

Аннотация. Рассматриваются как традиционные подходы к анализу феномена элит, так и те объективные изменения, которые произошли за последнюю четверть века в принципах формирования и функционирования элит. Проанализирована роль элит в процессе социальных преобразований, а также неизбежные в этом случае изменения в массовом сознании в плане идей, целей деятельности, ценностных установок, мотивов деятельности. Особое внимание уделено вопросам динамики современных западных элит, идеологическому кризису, перераспределению ресурсов, роли в современном обществе и т. п. Работа базируется на анализе изменений, которые произошли в структуре мировой экономики и, как следствие, глобальных изменений в структуре ведущих мировых элит, механизмах выбора векторов развития общества и т. п. Отмечается, что в настоящее время все вышеуказанные процессы находятся в активной фазе, а сами элиты пребывают в состоянии перманентной турбулентности.

Ключевые слова: элита, социальные преобразования, кризис, социальный консенсус, ценности, массовое сознание

Для цитирования: Глазунов Н. Г. Динамика элит и их роль в эпоху социальных преобразований // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 10 (504). С. 37–43. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-504-10-37-43.

Original article

THE ELITES DYNAMICS AND THEIR ROLE IN THE SOCIAL TRANSFORMATION ERA

Nikolai G. Glazunov

Federal Bureau of Medical and Social Expertise, Moscow, Russia, nickglazunov@mail.ru, 0009-0005-3968-9161

Abstract. The focus of the article is on both traditional approaches to the phenomenon of elites, and those objective changes in the principles of formation and functioning of elites that have occurred over last quarter century. The article analyzes the role of elites in the process of social transformation, as well as inevitable changes in mass consciousness in terms of ideas, goals, values, and motives. The author pays special attention to the dynamics of modern Western elites, the ideological crisis, the redistribution of resources, the role in modern society, etc. The work is based on the analysis of changes that have occurred in the structure of the world economy and, as a result, in the structure of the world's leading elites, in the mechanisms for choosing vectors of the society's development, etc. It is noted that all the above-mentioned processes are currently in the active phase, and the elites themselves are in the state of permanent turbulence.

Keywords: elite, social transformations, crisis, social consensus, values, mass consciousness

For citation: Glazunov NG. The Elites Dynamics and their Role in the Social Transformation Era. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(10(504):37-43. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-504-10-37-43.

Введение

Потребность в общественных изменениях обусловлена объективными факторами социально-экономического и политического характера. Несмотря на это, огромная роль в определении целей, темпов и механизмов общественных преобразований принадлежит тем социальным группам, которые занимают доминирующее положение в социальной системе и оказывают исключительное влияние на трансформацию социальных институтов и алгоритмы социального взаимодействия.

Многообразие и разнонаправленность социально-политических и экономических интересов, существующих в обществе, образуют конкурирующий набор возможных моделей социального развития. В конечном итоге решающее влияние на процесс формирования модели социального развития оказывает та социальная группа, чья программа наиболее ценностно значима для общества и обладает наибольшим потенциалом в плане целеполагания и мотивирования граждан.

По традиции подобные социальные группы именуют элитами, анализу общественной роли которых и посвящена данная статья¹. Исключительная актуальность данной темы объясняется тем, что на протяжении последней четверти века наблюдаются фундаментальные изменения в составе национальных элит, их ресурсных возможностях, роли в обществе, а также в идейно-ценностных установках, что, в свою очередь, влияет на вектор развития большинства стран мира.

Методы исследования

Исследование феномена элит нуждается в междисциплинарном подходе, ибо изучение данного феномена невозможно без обращения к истории, экономике, социологии, политологии, социальной психологии, что позволяет системно рассмотреть элиты как сложно структурированное и полифункциональное явление. Методология исследования представляет собой комплексный подход к изучению элит, их классификации и социальных ролей: теоретические концепции и ретроспектив-

ный анализ позволяют проследить динамику формирования элит, причинно-следственные связи в процессе их функционирования и культурный контекст социального развертывания данного феномена. Комплекс теорий, посвященных вопросам лидерства, позволил выявить базовые принципы функционирования элит в обществе. Использование элементов теории игр было призвано прояснить механизмы согласования элитами основополагающих ценностей и интересов, которые транслируются в качестве социально одобряемых моделей поведения и взаимодействия. Обращение к теории маржинализма позволило объяснить динамику элит как следствие неравномерного распределения и перераспределения ресурсов, что вызвано глубинными изменениями в структуре современной мировой экономики, переходом к доминированию сектора информационно-коммуникационных технологий. Комплексное использование отмеченных теорий позволило объяснить турбулентность в развитии современных обществ как следствие утраты элитами глубинного консенсуса по основополагающим принципам существования и развития обществ. В качестве методов исследования использовались логический и конкретно-исторический методы, наблюдение и контент-анализ документов, что позволило выявить диалектическую взаимосвязь элит, социальных институтов и структур, установок массового сознания и, как следствие, направление и динамику преобразований современных обществ.

Результаты исследования и их обсуждение

Один из основоположников теории элит, В. Парето, считал, что элиту можно выделить практически в любой сфере человеческой деятельности и что элитой являются люди, которые получают в своей сфере деятельности самую высокую оценку. Подобный тип элиты С. Келлер обозначала как «сегментарную элиту», влияние которой распространяется лишь на какой-то сегмент общества или на сферу общественной деятельности. Один из важнейших признаков элиты — наличие стратегических ресурсов. Пожалуй, именно фактор ресурсов является определяющим в процессе отнесения той или иной социальной группы к элите. Говоря о стратегической элите, С. Келлер отмечает, что именно ее «суждения, решения и действия... имеют важные и определяющие последствия...» для всей социальной системы [13, р. 21].

Отождествление элиты с социальной группой, определяющей стратегию развития общества, прочно утвердилось не только в зарубежных ис-

¹ Отметим лишь некоторые работы, посвященные ключевым вопросам данной темы: Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность. М. : МГИМО-Университет, 2010. 600 с.; Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М. : РОССПЭН, 2006. 448 с.; Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2004. 381 с.; Здравомыслов А. Г. Социология российского кризиса: статьи и доклады 90-х годов. М. : Наука, 1999. 350 с.

следованиях. Один из отечественных специалистов, А. В. Дука, отмечает, что именно возможность определять положение в социальной системе и действия других социальных групп, то есть добиваться принятия ими своих целей и ценностей, определять общественные приоритеты и придает социальной группе статус элиты, ибо элиты есть «группы, контролирующие стратегические позиции в обществе или его подсистемах (структурах, институтах) и в связи с этим общественные ресурсы. Контроль позиций и ресурсов обеспечивает легальную и легитимную возможность принимать кардинальные и конечные решения, доминировать в формальных институтах, определять и контролировать правила их функционирования, задать направленность их деятельности, координировать их работу» [3, с. 28].

Помимо отмеченных выше, можно выделить институциональный подход, который рассматривает элиту как фактор, стабилизирующий социальные подсистемы и общество в целом, направляющий социальную активность населения в русло, которое будет представлять наименьшую опасность для целостности социальной системы. Подобный подход к феномену элит обоснован в работах К. Манхейма и Э. Тоффлера [7; 8].

В частности, Манхейм «...пытался представить элиту чисто функциональной группой, выполняющей необходимые для каждого общества управленческие обязанности» [5, с. 59]. В процессе деятельности социальной группы ею вырабатываются поведенческие стереотипы, целевые и идейно-ценностные установки, которые могут превратиться в значимый фактор общественной жизни.

Анализ феномена элит с неизбежностью приводит нас к одному из самых изученных аспектов элитологии — политической элите. Можно вполне согласиться со следующим определением понятия «политическая элита», который является, пожалуй, преобладающим в современных исследованиях: «...это индивиды, чьи стратегические позиции в важных и властных организациях и движениях дают им возможность непосредственно, устойчиво и регулярно влиять на принятие политических решений» [цит. по: 15, р. 176].

Вопросы происхождения политических элит, их институционализации и функций неизбежно отмечены национальной спецификой, и механический перенос определений и характеристик, свойственных элитам одних стран, не всегда применим при характеристике элит других стран. Примечательна позиция М. Догана, который писал: «теории, основывающиеся на американском

опыте, не всегда могут быть экстраполированы на другие страны. Некоторые из этих американских теорий оказались не валидными при проверке в других национальных условиях» [12, р. 3]. Например, американские концепции элитологии, если их использовать при рассмотрении предреволюционных и постперестроечных событий, демонстрируют недостаточный познавательный потенциал, необходимый для понимания происходивших процессов.

В этом вопросе совершенно исключительная роль принадлежит явлению, которое может быть обозначено как «культурная элита», роль которой часто совершенно неправомерно сводят исключительно к сфере искусства. Культурная элита активно способствует формированию образцов поведения, образа жизни, стиля мышления и т. п., одним словом, всего того, что необходимо для производства (воспроизводства) культуры определенной социальной группы или общества в целом [1].

Политическая элита, выражающая, в первую очередь, интересы правящих социальных групп, и культурная элита, при условии наличия принципиального консенсуса относительно основополагающих идейно-ценностных установок, могут совместно создавать и поддерживать в стране единое идеологическое «поле». Совершенно по-иному обстоит дело, если политическая и культурная элиты находятся в состоянии принципиального идейного противостояния. Например, в период перестройки либеральная идеология очень быстро вытеснила с доминирующих позиций в массовом сознании официальную советскую идеологию. Отечественный социолог Н. И. Лапин констатировал: «...Оппозиционные ценности уже в 1990 г. имели тенденцию стать ценностями большинства, доминирующими в российском обществе» [6, с. 104]. Официальная идеология, не выдержав конкуренции с либеральной идеологией, маргинализировалась, что неизбежно сказалось на положении правящей элиты, которая стремительно теряла рычаги влияния на социальную ситуацию. В итоге, советская элита утратила власть и ей на смену пришла новая элита, ориентированная на либерально-рыночную идеологию.

История социальных преобразований свидетельствует о том, что их успех в решающей степени зависит от способности (или неспособности) элиты решить целый комплекс задач: «Проводниками этого развития [то есть развития по пути социальных преобразований. — Н. Г.] в своих странах стали элиты...» [4, с. 130]. Наиболее яркими примерами того, что элиты справились

со стоящими перед ними новыми вызовами, являются «Новый курс» Ф. Д. Рузвельта, послевоенные преобразования в ФРГ под руководством К. Аденауэра, во Франции при президенте Ш. де Голле, в Италии в эпоху А. Де Гаспери, в Китае — при Дэн Сяопине. Обратный пример, свидетельствующий о том, что элиты не справились со стоящими перед ними новыми задачами, — распад Советского Союза.

Потребность в общественных преобразованиях, как уже отмечалось, является фактором объективным, поэтому если подобная потребность назрела, элиты должны проявлять повышенную активность, чтобы осуществить мероприятия, способные преодолеть проблемы, наметившиеся в процессе функционирования социальной системы. Ответственность элит тем более возрастает от того, что никто, кроме них самих, не может инициировать *управляемые* социальные преобразования. Утрата контроля может привести как к срыву отдельных мероприятий, так и к утрате управляемости всем процессом в масштабе общества. Для успешности общественных преобразований критически важно, чтобы инициатива в них *всегда* принадлежала официальной политической элите.

Для этого нужно, во-первых, консолидировать элиты. Подобная консолидация может предполагать перестановки внутри самой элиты, ослабление одних групп влияния и усиление других, перераспределение функций, ресурсов и т. п. Например, в начале 2000-х гг., выстраивая «вертикаль власти», президент В. В. Путин, создавая институт полпредов президента в федеральных округах, отменяя прямые выборы глав регионов и т. д., фактически создавал новую региональную элиту, ибо автономность региональных элит от федерального центра в 1990-х гг. уже ставила под угрозу единство страны.

Помимо консолидации правящей политической элиты для успеха социальных преобразований необходима консолидация элиты экономической, более того, необходима консолидация элиты экономической и политической.

Д. Б. Тев, исследователь проблемы взаимодействия экономических и политических структур, отмечает: «...объективная зависимость государственной элиты от экономики представляет собой ее зависимость от господствующих в экономике бизнесменов и от их инвестиционных решений. Эта зависимость обеспечивает бизнесу привилегированное положение в политической системе, наделяя капиталистов структурной властью,

а именно: способностью косвенно, в качестве инвесторов, контролировать политику государства» [9, с. 35].

От эффективности взаимодействия власти и бизнеса зависит критически много. Возможности бизнес-сообщества влиять на социально-экономическую ситуацию в стране в конечном итоге превращаются в фактор политического влияния. Американский политолог Ч. Линдблом отмечает: «правительство осуществляет широкую власть над деятельностью бизнеса. Но осуществление этой власти определяется и сдерживается беспокойством... по поводу возможных неблагоприятных воздействий на бизнес. Даже невысказанная возможность неблагоприятных последствий для бизнеса действует в качестве всепроникающего давления на правительственную власть» [14, р. 178].

Наблюдая за процессами социально-экономических преобразований в странах Запада, мы можем констатировать, что там наблюдался относительный консенсус по основным принципам функционирования экономической системы. Социолог Ф. Блок отмечал: «те, кто управляют государственным аппаратом, не важно, какова их собственная политическая идеология, зависят от поддержания некоторого разумного уровня экономической деятельности» [11, р. 136].

«Разумный уровень экономической деятельности» мог быть достигнут лишь при выполнении нескольких условий. Во-первых, власть должна действовать в согласии с основными субъектами экономической деятельности. Во-вторых, эти субъекты должны располагать достаточными финансово-экономическими ресурсами, которые позволяют им действовать самостоятельно, не будучи связанными (или минимально связанными) какими-либо внешними силами.

Какие первоочередные задачи стоят перед элитами в обществе, вступившем на путь общественных преобразований?

Первейшей проблемой является сохранение элитами собственной легитимности, ибо любые новации затронут интересы и ценности определенных социальных слоев. Примером здесь могут служить две партии, которые десятилетиями обладали монополией на власть в своих странах, — КПСС в СССР и КПК в Китае. КПСС, в отличие от КПК, в процессе социальных преобразований не смогла сохранить легитимность и в конечном итоге утратила контроль над социальной ситуацией и саму власть. Ситуация с КПК была прямо противоположной: она смогла сохранить свою

легитимность в условиях его же инициированных преобразований.

Несмотря на вышесказанное, в настоящее время мы являемся свидетелями *сущностных* изменений в вопросах, которые казались незыблемыми.

Последние десятилетия наблюдается разрушение такой, казалось бы, определяющей характеристики элит, как их *монолитность*. Подобная монолитность в различных типах социальных систем достигалась различными способами. Например, в странах Запада — это результат долгого процесса согласования идейно-ценностных установок, который, пройдя через срывы, гражданские войны и революции, вылился в достаточно устойчивый консенсус, который обеспечивал общественную стабильность.

Деятельность элит Запада создавала иллюзию устойчивости, как бы подтверждая тезис Ф. Фукуямы о превосходстве и исторической победе модели западной либеральной демократии [10]. Вместе с тем в настоящее время подобные воззрения, очевидно, не соответствуют действительности. Былая монолитность западной элиты переживает раскол одновременно по нескольким основаниям.

Во-первых, это раскол идейно-ценностного характера между приверженцами «традиционных» и «ультралиберальных» ценностей в вопросах семьи, гендера, сексуальной, национальной, социальной идентификации и т. п.

Во-вторых, изменение структуры современной экономики привело к существенной смене ведущих мировых игроков и, как следствие, перераспределению ресурсов, позволявших влиять на социально-экономическое и политическое развитие как конкретных стран, так и на глобальную всемирную повестку.

Сравнительный анализ ведущих мировых компаний за последние тридцать лет позволяет сделать вывод не только об очевидных структурных изменениях в мировой экономике, но и об элитах, одни из которых частично маргинализировались, а другие заняли доминирующие позиции в экономике и финансах [16].

Лишь одна компания — Microsoft — на протяжении последней четверти века стабильно сохраняла место в первой десятке ведущих компаний мира, а на смену компаниям, связанным с производством электроэнергии, нефтедобычей, машиностроением и пищевой индустрией, пришли компании, представляющие сектор информационно-коммуникационных технологий, интернет-торговли, программного обеспечения, производства компьютерного «железа» (полупро-

водники и т. д.) и прочих высокотехнологичных продуктов.

Как следствие, бывшие элиты, представлявшие нефтяной, газовый, сталелитейный, машиностроительный и т. п. секторы экономики и игравшие первую скрипку в определении мировой финансовой, экономической и социально-политической повестки, уходят в прошлое. Преобладание в современной мировой экономике компаний, связанных с именами Б. Гейтса, Т. Кука, И. Маска, М. Цукерберга, Дж. Безоса и т. д., — это не просто эволюционная ротация в рядах элиты. Это — глубокий *тектонический* сдвиг не только в экономике, но и в составе доминирующих на Западе элит, которые неизбежно будут продвигать собственное видение современного мира, свои идейно-ценностные установки и приоритеты. Более того, уже сейчас мы наблюдаем активный поход этой «новой» элиты во власть. И. Маск, возглавляя Департамент эффективности правительства, помимо прочего, проводил аудит расходования средств федерального правительства. Нет нужды обосновывать тот факт, что непосредственная причастность к контролю расходов самого большого государственного бюджета в мире является очевидной заявкой на доминирование «новых» элит. Например, жесткое идеологическое противостояние Д. Трампа и его оппонентов, попытки новой американской администрации с первых же дней пребывания у власти отменить или пересмотреть наиболее «знаковые» мероприятия президентства Дж. Байдена со всей наглядностью демонстрируют, что о новом консенсусе внутри, в частности, американских элит говорить пока преждевременно.

Более того, Мюнхенская конференция по безопасности 2025 г. со всей очевидностью продемонстрировала глубокий идейно-ценностный раскол американских и европейских элит, что проявилось как в крайне критичной речи вице-президента США Дж. Д. Вэнса¹, так и в не менее критичной реакции на нее ведущих представителей европейской политической элиты².

¹ Полный текст речи вице-президента США Дж. Д. Вэнса на конференции по безопасности в Мюнхене. URL: <https://www.news2.ru/story/698166/> (Дата обращения: 31.05.2025).

² 2025 JD Vance speech at the Munich Security Conference. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/2025_JD_Vance_speech_at_the_Munich_Security_Conference (Дата обращения: 31.05.2025).

Выводы

Устоявшиеся в науке подходы к пониманию элит как образования относительно целостного уже не соответствуют объективной реальности. Подобный подход основывался на глубинном консенсусе интересов в первую очередь экономического характера. Эта согласованность интересов проистекала из жесткой взаимозависимости ведущих субъектов, определявших национальную, а то и всемирную, экономическую «повестку». Экономические лидеры XX в. (нефте- и газодобыча, машиностроение, сталелитейная промышленность и т. д.) составляли некий симбиоз, в котором каждый элемент был жизненно необходим для целостности и функциональности всего «организма».

Ситуация стала радикально меняться по мере развертывания цифровой революции, когда на позиции экономических лидеров стали выходить новые отрасли экономики, никак не зависящие (или минимально зависящие) от старой экономической элиты. За последние двадцать пять лет творцы цифровой революции оттеснили бывших лидеров с ведущих позиций в мировой экономике. Как результат — жесткое противостояние различных целевых, идейных, ценностных, мотивационных моделей, рассогласованность позиций практически по всем мыслимым вопросам — иммиграционным, расовым, гендерным и т. д. и т. п. Согласие, если и имеет место быть, то только как *временная*, ситуативная мера, продиктованная изменчивой конъюнктурой какого-либо характера. Например, видный республиканец Дж. Болтон в настоящее время фактически переметнулся к демократам, а Р. Кеннеди-младший, сама фамилия которого является одним из самых узнаваемых «брендов»

Демократической партии, выступал против демократических кандидатов Дж. Байдена и К. Харрис, а потом и вовсе вошел в кабинет Трампа в качестве министра здравоохранения и социальных служб.

Исторический опыт подсказывает, что рано или поздно должный консенсус так или иначе будет достигнут. Вопрос только во временном периоде, смысловом ядре и алгоритме становления нового консенсуса. Пока неопределенное время мы будем свидетелями жесткой конкурентной борьбы различных групп элит относительно идейных, целевых, ценностных составляющих будущего консенсуса, противоборства ресурсов, борьбы за их обладание и право распоряжаться ими, поиска наиболее эффективных каналов влияния на массовое сознание, формирования социальной базы, на которую будет опираться та или иная элита, и т. п.

Всё вышеперечисленное позволяет сделать итоговый вывод: в настоящее время элиты наиболее крупных мировых игроков находятся, пользуясь синергетической терминологией, в точке бифуркации. Перед ними фактически неограниченное множество вариантов будущего. Какой-либо аттрактор, который имел бы потенциал стать доминирующим, пока не просматривается. Это значит, что в обозримом будущем нестабильность может быть названа ключевой характеристикой общественных процессов во многих странах мира, а элитологии необходимо искать новые методологические подходы и концептуальные основания, которые смогли бы более адекватно анализировать современные процессы, связанные с формированием и функционированием элит как на национальном, так и наднациональном уровнях.

Список источников

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 367 с.
2. Уорнер У. Живые и мертвые. М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. 671 с.
3. Дука А. В. Исследования элит: поиск теоретических оснований // Власть и элиты в российской трансформации : сборник научных статей / под. ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2005. С. 11–29.
4. Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 1995. 278 с.
5. Кобаев Е. Н. Правящая элита в системе общественных отношений // Вестник Оренбургского государственного университета 2010. № 7 (113). С. 57–60.
6. Лапин Н. И. Социокультурный контекст смешанной экономики // Смешанная экономика: социокультурные аспекты : научно-информационный сборник. М. : ИНИОН РАН, 1994. С. 97–111.
7. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1994. 700 с.
8. Тоффлер Э. Третья волна. М. : АСТ, 2009. 795 с.
9. Тев Д. Б. Теория структурной власти бизнеса: сущность и критика // Власть и элиты в российской трансформации: сборник научных статей / под. ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2005. С. 30–64.
10. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

11. Bloc F. The Ruling Class Does not Rule: Notes on the Marxist Theory of the state // The State: Critical concepts / ed. by J. A. Hall. London, New York : Routledge, 1993. Vol. 1. P. 130–146.
12. Dogan M. Introduction: Diversity of Elite Configurations and Clusters of Power // Comparative Sociology. 2003. Vol. 2, № 1. P. 3–17.
13. Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. N. Y. : Random House, 1969. 354 p.
14. Lindblom C. E. Politics and Markets: The World's Political-Economic Systems. N. Y. : Basic books, Inc. Publishers, 1977. 422 p.
15. Higley J., Moor G. Political Elite studies at the Year 2000: Introduction // International Review of Sociology. 2001. Vol. 11, № 2. P. 175–180.
16. List of public corporations by market capitalization. URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/List_of_public_corporations_by_market_capialization (дата обращения: 10.02.2025).

References

1. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. Moscow; 1984. 367 p. (In Russ.).
2. Warner W. Zhivye I mertvye. Moscow; St. Petersburg; 2000. 671 p. (In Russ.).
3. Duka AV. Issledovaniya elit: poisk teoreticheskikh osnovanij. In: Vlast' I elity v rossijskoj transformacii. Ed. by A. V. Duka. St. Petersburg, Intersocis; 2005. Pp. 11–29. (In Russ.).
4. Kozlovskij VV, Utkin AI, Fedotova VG. Modernizaciya: ot ravenstva k svobode. St. Petersburg; 1995. 278 p. (In Russ.).
5. Kopaev EN. Pravyashchaya elita v sisteme obshchestvennyh otnoshenij. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010;(7):57-60. (In Russ.).
6. Lapin NI. Sociokul'turnyj kontekst smeshanoj ekonomiki. In: Smeshannaya ekonomika: sociokul'turnye aspekty. Moscow; 1994. Pp. 97–111. (In Russ.).
7. Mannheim K. Diagnostika nashego vremeni. Moscow; 1994. 700 p. (In Russ.).
8. Toffler A. Tret'ya volna. Moscow; 2009. 795 p. (In Russ.).
9. Tev DB. Teoriya strukturnoj vlasti biznesa: sushchnost' I kritika. In: Vlast' I elity v rossijskoj transformacii. Ed. by A. V. Duka. St. Petersburg; 2005. Pp. 30–64. (In Russ.).
10. Fukuyama F. Konec istorii? *Voprosy filosofii*. 1990;(3):134-148. (In Russ.).
11. Bloc F. The Ruling Class Does not Rule: Notes on the Marxist Theory of the state. In: The State: Critical concepts. Ed. by J. A. Hall. London, New York, Routledge; 1993. Vol. 1. Pp. 130–146.
12. Dogan M. Introduction: Diversity of Elite Configurations and Clusters of Power. *Comparative Sociology*. 2003;2(1):3-17.
13. Keller S. Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. N. Y., Random House; 1969. 354 p.
14. Lindblom CE. Politics and Markets: The World's Political-Economic Systems. N. Y., Basic books, Inc. Publishers; 1977. 422 p.
15. Higley J, Moor G. Political Elite studies at the Year 2000: Introduction. *International Review of Sociology*. 2001;11(2):175-180.
16. List of public corporations by market capitalization. Available from: https://en.m.wikipedia.org/wiki/List_of_public_corporations_by_market_capialization (accessed date 10.02.2024).

Информация об авторе

Н. Г. Глазунов — кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник.

Information about the author

N. G. Glazunov — Candidate Sci. (Philosophy), Associate Professor, Scientific Researcher.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025; одобрена после рецензирования 08.10.2025; принята к публикации 28.10.2025.

The article was submitted 16.09.2025; approved after reviewing 08.10.2025; accepted for publication 28.10.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.